

На плацу, выстроившись в шеренги, томились в ожидании новобранцы.

Искусственное солнце палило нещадно, ничуть не уступая настоящему светилу ни яркостью, ни жаром. Человечество давно покинуло пределы Солнечной системы. Федеральный административный центр теперь раскинулся на нескольких полностью терраформированных планетах. От этой центральной оси, словно лучи, расходились обитаемые миры: чтобы избежать перенаселения и разумно распределить ресурсы, «новые люди» заселили сразу несколько звездных систем.

И хотя современные технологии позволяли регулировать погоду щелчком пальцев, Федерация, отдавая дань уважения покинутой колыбели, по-прежнему сохраняла на подконтрольных территориях естественную смену времен года.

Поэтому изнеженным отпрыскам благородных семейств, привыкшим к безупречному микроклимату своих роскошных резиденций, сейчас приходилось изнывать под палящими лучами.

Впрочем, поблажек ждать не приходилось. Солдатам Федерации суждено было сражаться на настоящих полях битв, на планетах с экстремальным, смертоносным климатом, где даже защитные костюмы порой давали сбой. Те, кто не способен вынести обычный зной, могли сразу убраться восвояси.

Среди этого томительного, плавящегося от зноя ожидания раздался отчетливый стук армейских ботинок. Шаг за шагом он приближался.

Обладатели чуткого слуха сразу уловили разницу: походка была твердой, но лишенной той грубой тяжести, что отличала инструкторов-альф. В чеканном ритме сквозила утонченная, почти невесомая грация.

Зная заранее, что к ним идет инструктор-омега, курсанты невольно ловили каждый звук, преувеличивая его значимость. Сгорая от любопытства, они из последних сил сдерживались, чтобы не повернуться.

Но вслед за слухом отозвалось обоняние — еще до того, как они успели что-то увидеть. Сквозь зной внезапно просочился тонкий, прохладный аромат. Казалось, сама температура воздуха резко упала, принеся с собой ледяную свежесть, пробравшую до самых костей.

Боже, какой запах!

Кто-то не выдержал и скосил глаза — и уже не смог отвести взгляда.

Омега принес с собой благоухание, подобное первому снегопаду, заставляя затаить дыхание и благоговейно замереть.

Длинные серебряные волосы ослепительно сияли на солнце. Облегающая, но простая полевая форма подчеркивала безупречные пропорции: невероятно тонкую талию и бесконечно длинные ноги. Подол платиновых прядей мягко покачивался в такт шагам чуть ниже поясницы, заставляя сердца юных альф пропускать удары.

Одного лишь силуэта хватило, чтобы пульс курсантов взлетел. Они боялись вздохнуть, чтобы не спугнуть это видение, но в то же время жадно ловили каждую крупницу пьянящего аромата.

Когда он развернулся и замер перед строем, явив свое лицо, по рядам прокатился сдавленный гул восхищения. Сдерживаться больше никто не мог.

Курсанты не находили слов, лишь бессвязно выдыхали — только так они могли выразить потрясение, сковавшее их разум. Вся жесткая дисциплина, которую им вбивали последние два дня, в мгновение ока испарилась.

Юджин, державшийся чуть приличнее остальных, все равно без умолку толкал локтем стоявшего рядом Сяо Линя, лихорадочно шепча:

— Мать твою... Охренеть можно...

Он знал, что омега красив, но чтобы настолько!

Против такого очарования у Юджина не было ни единого шанса устоять. В его голове уже вовсю крутились мысли о будущей свадьбе и детях. Сколько их у них будет? И неважно, мальчики или девочки: пусть омега унаследуют его черты, а альфы пойдут в отца...

Сяо Линь оцепенел. Глядя на это до боли знакомое и одновременно чужое лицо, он чувствовал себя спящим наяву. Ему даже показалось, что это просто поразительное внешнее сходство.

Но если черты лица еще могли совпасть, то феромоны... Их аромат невозможно было спутать ни с чем.

Значит... он знал, что они встретятся вновь? Потому и ушел тогда без предупреждения?

Сяо Линь впился взглядом в Цинь Шэнсюэ, отчаянно пытаясь найти ответ на его лице. На долю секунды их глаза встретились.

У Сяо Линя перехватило дыхание. Однако взор Цинь Шэнсюэ скользнул мимо абсолютно равнодушно, словно перед ним стоял безликий рекрут. В этих янтарных глазах все были равны — ни для кого не делалось исключений.

В груди Сяо Линя мгновенно образовалась щемящая пустота. Рядом продолжал пихаться

Юджин, но парень не мог даже пошевелиться.

— Тишина, — негромко произнес Цинь Шэнсюэ.

Первые ряды послушно притихли, однако то ли из-за мягкого тона, то ли потому, что его голос звучал слишком чарующе, по плацу прокатилась новая волна шепотков.

Глядя на ослепительного омегу, юные альфы напрочь забыли о субординации. Бушевавшие в крови феромоны ударили в голову, лишая самообладания. Некоторые наглые выскочки начали нарочно шуметь и переговариваться, пытаясь привлечь к себе внимание инструктора.

Цинь Шэнсюэ смерил взглядом непослушных:

— Я сказал: тишина.

Сяо Линь не сводил с него глаз. Под ярким солнцем ему почудилось — а может, и нет, — что в янтарной глубине чужих зрачков вспыхнули золотые искры.

В то же мгновение над плацем воцарилась гробовая тишина. Даже без умолку толкавшийся Юджин застыл каменным изваянием.

Поначалу кое-кто решил, что подействовал приказ офицера, однако те, кто умолк против своей воли, быстро осознали: дело не в дисциплине.

Они открывали рты, но не могли издать ни звука.

Те несколько смутьянов, что пытались хорохориться перед инструктором после его первого предупреждения, с ужасом обнаружили, что не только онемели, но и лишились возможности дышать. Воздух просто застрял в их горле.

На губах Цинь Шэнсюэ заиграла легкая улыбка. Прекрасное лицо озарилось мягким светом, отчего он стал казаться еще более пленительным и... смертоносным.

На этот раз вместе с восхищением курсанты ощутили ледянящий душу страх. Никто из них не был дураком. Даже те, кто соображал медленнее других, быстро смекнули: паралич тела — дело рук их нового наставника.

Паника мгновенно отразилась на лицах новобранцев. Поняв, что шея все еще слушается, они принялись испуганно оглядываться по сторонам. Вокруг были лишь бледные, ошарашенные однокурсники.

Несчастные зачинщики, лишённые кислорода, начали стремительно багроветь, из-за чего стоявших рядом курсантов охватил неподдельный ужас. Они то и дело бросали умоляющие взгляды на Цинь Шэнсюэ.

Полковник же, не снимая мягкой улыбки, неторопливо двинулся вдоль застывших шеренг. Его вкрадчивый, почти ласковый голос отчетливо звучал в голове каждого присутствующего:

— Нравится разглядывать? Что ж, смотрите внимательнее.

Вблизи его красота поражала еще сильнее. Дразнящий, морозный аромат кружил голову, заставляя вопреки логике глубже вдыхать этот спасительный холод посреди изнуряющего зноя.

Когда прекрасный инструктор проходил мимо, покачивая бедрами, в парнях просыпался первобытный инстинкт. Безумно хотелось сделать шаг вперед, прикоснуться к его безупречной коже, насытиться этим запахом.

Их взгляды невольно опускались к незащитному изгибу его шеи. Будучи гораздо выше и крупнее омеги, каждый из альф ловил себя на шальной мысли: стоит лишь протянуть руку — и можно сжать эту хрупкую талию, притянуть к себе и вонзить зубы в нежную кожу за ухом.

Однако скованные параличом мышцы тут же отрезвляли их, напоминая: все это — лишь несбыточные грезы.

Цинь Шэнсюэ с упоением читал эмоции на их юных лицах, любясь тем, как вожделение сменяется животным ужасом. Пожалуй, только ради этого зрелища можно было потерпеть удушливый, резкий запах феромонов альф, витавший на плацу.

Он не спеша обошел весь строй. Прошло около пяти минут.

Даже представители улучшенного человечества не могли обходиться без кислорода бесконечно долго, тем более когда легкие перекрыли без предупреждения. Нарушители дисциплины уже начали закатывать глаза, балансируя на грани обморока, когда Цинь Шэнсюэ соизволил ослабить ментальные тиски.

Вернувшись во главу строя, он остановился. Его вкрадчивый голос по-прежнему звучал тихо, но каждое слово тяжелым молотом ложилось на сознание кадетов:

— Что для альфы важнее всего? Послушание.

— Запомните это ощущение беспомощности. Запомните удушье. Это — цена вашей строптивости.

Пострадавшие заговорщики, жадно глотая ртом воздух, не смели издать ни звука. Едва удерживаясь на ногах при поддержке товарищей, они покорно опустили головы, боясь даже взглянуть на полковника Циня.

В головах курсантов гудело. Разумеется, они знали, что их инструктор-омега — далеко не просто смазливая кукла. Но в их представлении его превосходство ограничивалось лишь тем, что он крепче обычных штабных омег. Никто и подумать не мог, что перед ними стоит могущественный менталист!

Их прежнее фривольное отношение во многом объяснялось спецификой курса: им предстояло учиться противостоять искушению феромонами. Из-за этого предвзятого мнения никто изначально не собирался уважать Цинь Шэнсюэ всерьез.

Но реальность отрезвила их жестким, унижительным щелчком по носу. Оказалось, они ровным счетом ничего не смыслят в истинной силе омег.

Разум, распаленный гормонами, окончательно остыл. Малолетние наглецы запоздало задрожали от страха. Столкнувшись лицом к лицу с сокрушительной ментальной энергией, они пасовали перед тем, чего не могли понять.

— Многие из вас мыслят шаблонами, — ровным тоном продолжил Цинь Шэнсюэ. — Считают, что удел омеги — безропотное подчинение.

Новобранцы безмолвствовали.

— Особенно этим грешат альфы. Вы почему-то убеждены, будто сама природа дает вам право безраздельно властвовать над своими партнерами.

Цинь Шэнсюэ сделал короткую паузу, его взгляд стал жестче:

— Но я спешу вас разочаровать: воля человека свободна, а любую маркировку можно удалить хирургическим путем. Не думайте, что если омега позволил вам себя пометить, то он навеки связан с вами. Как солдаты Федерации, вы обязаны научиться держать язык за зубами и не болтать лишнего, едва почувствовав течку.

— Впрочем, альфы всегда одинаковы: стоит воздуху запахнуть феромонами, как у вас начисто отключаются мозги.

Полковник не удержался от шпильки в адрес всей доминантной касты. В своей манере он питал искреннее презрение к абсолютно каждому альфе без исключения.

С каждым его словом челюсти Сяо Линя сжимались все сильнее. Он не мог понять, была ли это обычная лекция или завуалированное предупреждение, адресованное лично ему.

Как назло, Цинь Шэнсюэ подошел именно к нему и небрежно положил ладонь на его плечо.

Белые, изящные пальцы слегка задели шею Сяо Линя. От этого прохладного прикосновения парень мгновенно напрягся всем телом, словно натянутая струна.

А ведь когда-то эти руки нежно ласкали его щеки и обвивали шею в порыве страсти...

Сам же полковник вел себя так, будто оперся о дорожный деревянный столб. В душе он усмехался — забавная реакция его «щенка» изрядно подняла ему настроение. Внешне не выказав ни малейшего замешательства, он ровным голосом продолжил:

— Возможно, кто-то из вас думает: «Не будь у него ментальной силы, этот омега оставался бы заурядным слабаком, неспособным ни на что».

Он повернул голову к стоявшему в стороне Лоренцо. Генерал-майор все это время хранил молчание, уподобившись безмолвной статуе. Проходя мимо него ранее, Цинь Шэнсюэ даже не удостоил мужчину взглядом.

Теперь же полковник с улыбкой поманил его пальцем:

— Подойдите, генерал. Мне нужно наглядно показать этой детворе, как альфа в звании генерала Федерации может лишиться пары костей.

Новобранцы затаили дыхание, опасаясь, как бы грозный наставник снова не перекрыл им кислород.

Не проронив ни слова, Лоренцо шагнул вперед. Его взгляд мимолетно задержался на Сяо Лине, чье плечо все еще сжимали тонкие пальцы Цинь Шэнсюэ.

В Сяо Лине мгновенно вспыхнул собственнический инстинкт. Он недовольно нахмурился, буравя Лоренцо тяжелым взглядом, но генерал уже отвел взор.

Посмотрев сверху вниз на полковника, Лоренцо негромко произнес:

— Я буду аккуратен.

Цинь Шэнсюэ тут же посерьезнел. Ему было глубоко плевать, что именно Лоренцо имел в виду под этой «аккуратностью». Ишь, решил покрасоваться перед ним! Раз уж до старого извращенца Валентина ему пока не дотянуться, то на этом напыщенном индюке он оторвется по полной.

Без оружия в руках разница в их физических данных казалась колоссальной. Лоренцо был выше полковника больше чем на голову. Сам Цинь Шэнсюэ со своим ростом в метр восемьдесят пять считался высоким среди омег, но на фоне генерала выглядел хрупким и изящным — Лоренцо казался вдвое шире его в плечах.

Несмотря на продемонстрированную ментальную мощь, кадеты сомневались, что омега способен одолеть столь превосходящего по габаритам соперника в честном рукопашном бою. В конце концов, если бы масса тела не играла роли в схватке, в профессиональном спорте не существовало бы весовых категорий.

Большинство решило, что если Цинь Шэнсюэ и победит, то исключительно благодаря хитрым техническим приемам.

Поначалу поединок складывался именно так, как они и предполагали. Движения Цинь Шэнсюэ были легкими, летящими, его серебряная грива очерчивала в воздухе изящные дуги. Страх в душах парней понемногу уступил место благоговейному восторгу.

Однако стоило им залюбоваться этой грацией, как темп схватки резко изменился. Стил полковника стал агрессивным и жестким: он пошел напролом, лоб в лоб встречая мощный удар Лоренцо!

Генерал, не ожидавший такой самоубийственной лобовой атаки, инстинктивно попытался ослабить силу своего кулака. Но Цинь Шэнсюэ не собирался щадить соперника. Моментально воспользовавшись его секундным замешательством, он провел стремительную контратаку и сокрушительным ударом ноги с разворота буквально впечатал генерала в землю!

Над плацем повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь отчетливым, жутким хрустом ломающихся костей. У зрителей от этого звука мороз побежал по коже.

Разве может обычный омега обладать такой чудовищной физической силой?

— Поднимись, — холодно бросил Цинь Шэнсюэ.

Лоренцо молча поднялся. Он был генерал-майором Федерации и гордым альфой — позор перед подчиненными, а главное, перед объектом своего тайного обожания, был для него хуже смерти.

Лоренцо прекрасно понимал: если он не выложится на полную, Цинь Шэнсюэ окончательно смекает его с грязью. Жалость и мягкость здесь принесли бы лишь новые издевки.

Поэтому, едва встав на ноги, генерал ринулся в атаку. Его выпады стали куда быстрее и яростнее прежних, словно полученная травма ничуть его не беспокоила.

Цинь Шэнсюэ уклонялся от ударов с поразительной легкостью. При взгляде на его плавные, текучие движения было трудно поверить, что этот омега только что швырнул на землю тяжелого альфу.

Его пластика поражала воображение: он уворачивался от смертоносных атак под самыми немыслимыми углами.

И пока толпа восхищенно наблюдала за этой безупречной защитой, Цинь Шэнсюэ уже готовил решающий, взрывной контрудар. Разошедшийся не на шутку Лоренцо действительно представлял серьезную угрозу, но, к его несчастью, противником выступал Буран.

Извернувшись под каким-то противоестественным углом, полковник нанес резкий, сокрушительный удар локтем прямо в солнечное сплетение генерала. Лоренцо пошатнулся, сбившись с ритма, и тут же попытался перехватить противника поперек туловища. Однако Цинь Шэнсюэ оказался на долю секунды быстрее. Вместо того чтобы уклониться, он сам пошел на захват: перехватив запястье генерала, омега использовал инерцию чужого веса и с силой перебросил Лоренцо через себя.

Грузное тело генерала с глухим стуком ударилось о покрытие плаца. Сухой, отчетливый треск ломающихся ребер прозвучал пугающе громко, заставив содрогнуться каждого наблюдателя.

На этот раз Лоренцо подняться не смог. Раздробленные кости — это не то, с чем можно справиться одним лишь усилием воли. Его лоб покрылся крупными каплями пота, вызванными то ли яростной схваткой, то ли нестерпимой болью.

Цинь Шэнсюэ наступил подошвой тяжелого армейского ботинка ему на грудь. Почувствовав, как под давлением опасно прогибается и похрустывает грудина соперника, он слегка наклонился и негромко, но предельно отчетливо произнес:

— Ничтожество.

Длинные серебряные пряди скользнули с его плеча вперед, едва не коснувшись лица поверженного генерала, но в последний момент замерли в паре сантиметров.

На лице самого полковника не отразилось ни тени усталости, на безупречной коже не было ни капли пота. Для него эта стычка даже не походила на настоящий бой.

Полковник убрал ногу с груди Лоренцо и выпрямился. Кивком подозвав побледневшего начальника адъютантов Марка, он приказал немедленно вызвать медицинскую бригаду, чтобы унести раненого.

На плацу царило гробовое молчание. Представления новобранцев об их инструкторе были разрушены и собраны заново.

Стоя в строю, Сяо Линь поймал на себе холодный янтарный взор Цинь Шэнсюэ. Теперь он окончательно и безвозвратно осознал: перед ним больше не было того нежного, беззащитного омеги, с которым они делили жаркие объятия в период гона.

Перед ним стоял Буран — безжалостный, пугающий и смертоносный.

<http://bllate.org/book/18348/1764404>